Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

А.И. Покровский

Сущность монтатизма и необходимость напряженной церковно-соборной борьбы с ним

Опубликовано:
Христианское чтение. 1913. № 10. С. 1201-1215.

© Сканирование и создание электронного варианта: Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

Сущность монтанизма и необходимость напряженной церковно-соборной борьбы съ нимъ *).

То, что въ предъидущихъ отдѣлахъ могли мы предложить по вопросу о соборахъ древней церкви противъ монтанизма, въ сущности, основано всего лишь на двухъ, сравнительно небольшихъ, отрывкахъ изъ церковной исторіи Евсевія (V, 16, 10 и V, 19). Поэтому наши, довольно обширныя рѣчи на эту тему представляютъ изъ себя, главнымъ образомъ, подробный аналитическій и реально-историческій комментарій указанныхъ важныхъ свидѣтельствъ Евсевія, а частію — и рядъ нашихъ собственныхъ, такъ или иначе мотивированныхъ, заключеній и догадокъ о болѣе конкретныхъ формахъ тѣхъ соборовъ, которые намѣчены въ текстѣ Евсевія слишкомъ неопредѣленно и обще. Отсюда въ нашемъ изслѣдованіи объ антимонтанистическихъ соборахъ видное мѣсто занялъ элементъ, который, въ извѣстномъ смыслѣ, можетъ быть названъ субъективнымъ, поскольку дѣло касается нашей личной обработки историческаго текста и извлеченія изъ него соотвѣтствующихъ выводовъ, путемъ нашего же собственнаго освѣщенія текста и построенія на такой основѣ нашихъ же, болѣе или менѣе, субъективныхъ выводовъ. Вполнѣ понимая, что такой, хотя и вынужденный необходимостью (отсутствіемъ другого, болѣе опредѣленнаго матеріала), нѣсколько субъективный методъ изслѣдованія можетъ встрѣтить серьезныя возраженія со стороны

*) Продолженіе. См. сентябрь.

болѣе строгихъ историковъ и канонистовъ, мы и хотѣли бы настоящимъ своимъ очеркомъ, если не вовсе устранить, то значительно ослабить подобный упрекъ и придать своимъ выводамъ и утвержденіямъ возможно большую, чисто-объктивную убѣдительность и силу. И самымъ надежнымъ средствомъ для достиженія такой цѣли мы считаемъ сжатую общую характеристику начальнаго монтанизма, которая ясно, опредѣленно, а главное, научно-объективно отвѣтила бы намъ на вопросы: что такое монтанизмъ? представлялъ ли онъ какую-либо реальную опасность для тогдашней Христовой Церкви? и слѣдовательно, вынуждалъ ли ее на столь напряженную соборную работу и борьбу съ нимъ?

Если бы мы захотѣли какъ можно короче отвѣтить на первый, важнѣйшій изъ поставленныхъ вопросовъ, то должны были бы сдѣлать это всего въ двухъ словахъ: монтанизмъ это—«*новое пророчество*». «Новымъ пророчествомъ монтанизмъ называетъ себя самъ и этимъ самообозначеніемъ даетъ знать, чѣмъ быть онъ претендуетъ» [1]). Вотъ нѣсколько убѣдительныхъ примѣровъ такого пророчества, взятыхъ изъ спеціальнаго приложенія къ монографіи Bonwetsch'a [2]). «Человѣкъ, какъ лира—говоритъ Монтанъ—а я накатываю (κἀγὼ ἐφίπταμαι), какъ бряцало. Человѣкъ спитъ, а я бодрствую. Вотъ Господь приводитъ въ экстазъ сердца людей и даетъ сердце людямъ» [3]). Про того же Монтана Епифаній свидѣтельствуетъ: «Монтанъ говоритъ въ такъ называемомъ своемъ пророчествѣ (ἐν τῇ ἑαυτοῦ λεγομένῃ προφητείᾳ): «я Господь Богъ Вседержитель, вселившійся въ человѣка», и еще: «ни ангелъ, ни пресвитеръ, но пришелъ я Господь Богъ Отецъ» [4]). То же подтверждаетъ и Дидимъ: «ибо Монтанъ, говорятъ, сказалъ: «я—Отецъ и Сынъ и Утѣшитель (ὁ παράκλητος)» [5]). Не менѣе притязательны и изреченія ближайшихъ сподвижницъ Мон-

---

[1]) *G. Nathanael Bonwetsch* „Die Geschichte des Montanismus"—127 s. Erlangen, 1881.

[2]) *Ibidem.* Beilage I. Die Aussprüche montanistischer Propheten. 197—200 s. Всѣ послѣдующія цитаты взяты отсюда. Онѣ же, въ связи съ самымъ текстомъ Епифанія, Ипполита и др., приведены и въ Beilagen къ монографіи *G. Voigt*'a „Eine verschollene Urkunde des antimontanistischen Kampfes" 331—345 s. Leipzig, 1891.

[3]) *Epiph.* haeres. 48. 4. П. 430. ed. G. Dindorf, Lipsiae 1860.

[4]) *Ibidem.* 10. 437 s. 11, 437 и 439.

[5]) *Didym.* de trinit. 41, 1. (PG, 39, 984).

тана—пророчицъ Прискиллы и Максимиллы. Прискилла, напримѣръ, по свидѣтельству Епифанія, говорила о себѣ: «въ образѣ воплощенной женщины, въ блестящей одеждѣ подошелъ ко мнѣ Христосъ и вложилъ въ меня премудрость и открылъ мнѣ тотъ способъ, какъ быть святымъ и какимъ образомъ свести Іерусалимъ съ неба» [1]). Отъ Максимиллы сохранилось изреченіе: «меня преслѣдуютъ, какъ волка среди овецъ: но я не волкъ; я—слово, духъ и сила (ῥῆμά εἰμι καὶ πνεῦμα καὶ δύναμις)» [2]); и той же Максимиллѣ приписываютъ слова: «послѣ меня не будетъ ужъ пророка, но конецъ міра (συντέλεια)» [3]). Очень выразительны и свидѣтельства извѣстнаго церковнаго писателя Тертулліана, уклонившагося подъ конецъ своей жизни въ монтанизмъ и ставшаго его главнымъ идеологомъ: «имѣю я (свидѣтельство) самого Параклета, въ новыхъ пророкахъ говорящаго (in prophetis novis... dicentem)» [4]). Тотъ же Тертулліанъ въ полемическомъ трактатѣ противъ Праксея обѣщаетъ всѣ дары Св. Духа, включительно до истолкованія тайнъ божественнаго домостроительства (οἰκονομίας interpretatorem) тому, «кто приметъ рѣчи *новаго пророчества*» (quis sermones novae prophetiae ejus admiserit) и изберетъ его своимъ жизненнымъ руководствомъ [5]). О новоявленныхъ монтанистахъ, какъ именно, о «пророкахъ», или точнѣе «лже-пророкахъ», говорятъ и современные имъ православные писатели—антимонтанисты (Мелитонъ, Мильтіадъ, Аполлинарій, анонимъ, Аполлоній, Кл. Алекс., Ориг., Ипполитъ Рим.), а также и послѣдующіе церковные историки и ересеологи (Евсевій, Епифаній, бл. Іеронимъ, Филастр. и др. [6]). Такъ

[1]) *Epiph.* haer. 49, 1. 444 s. [2]) *Euseb.* h. e. V, 16, 17.
[3]) *Epiph.* haer. 48, 2, 427. [4]) *Tertul.* de pudic. 21.
[5]) *Tertull.* Adv. Prax. 8.
[6]) Такъ, Мелитонъ, еп. Сардійскій свои полемическія сочиненія противъ монтанистовъ спеціально заглавлялъ: „о пророкахъ“ и „о пророчествѣ“ (*Евсевій* IV, XXVI, 237 стр. Ср. *Euseb.* Kirshengeschichte IV, 26, 1, 380—382). Это подтверждаетъ и бл. Іеронимъ, который говоритъ, что Мелитонъ написалъ „о жизни пророковъ одну книгу“ и „о пророчествѣ одну книгу“ („О знамен. мужахъ“ XXIV, рус. пер. Твор. бл. Іеронима Стридонскаго, 5 час. 306 стр. Кіевъ 1879 г.); причемъ здѣсь Іеронимъ добавляетъ, что критикой данныхъ сочиненій служитъ трактатъ Тертулліана „de extasi, lib. VII (до насъ не дошедшій), въ которомъ онъ отдаетъ дань тонкому уму и литературному таланту (elegans et declamatorium ingenium) Мелитона. Впрочемъ, A. Harnack, наоборотъ, говоритъ объ ироническомъ отношеніи Тертулліана къ труду Мелитона (предпо-

что, по глубоко справедливому отзыву проф. Болотова, «признать монтанизмъ, значило признать пророчества Монтана и Максимиллы, признать открывшіяся въ нихъ духовныя даро-

---

читаетъ чтеніе cavilatur diciens вмѣсто laudans dicet—„Melito und seine Schriften". Die Ueberlief. der griechischen Apologeten d. 2 Jahrh. in der alten Kirche und im Mittelalter. TU, I, 241 s. Leipzig 1883). Другой видный писатель антимонтанистъ — Мильтіадъ (вѣроятно, современникъ Іуст. Фил. и ИринеяЛіонскаго), котораго Тертулліанъ называлъ „софистомъ", т. е. дидаскаломъ, или учителемъ церковнаго краснорѣчія (ecclesiarum sophista—*Tertull.* adv. Valentin. c. 5.) писалъ спеціальную книгу *о ложномъ пророчествѣ* монтанистовъ, въ отличіе отъ истиннаго, содержимаго церковью (*Евсевій* V, XVII 294—295. Ср. *Euseb.* V, 17, 470 s.). О Клавдіи Аполлинаріи, еп. Іерапольскомъ, какъ видномъ полемистѣ противъ монтанизма, мы знаемъ лишь со словъ Евсевія, который называетъ его „несокрушимымъ оружіемъ" (ὅπλον ἰσχυρόν, твердымъ оплотомъ) въ этой борьбѣ и упоминаетъ о немъ неоднократно (*Euseb.* IV, 26, 1, V, 16, 1 и V, 19. 1 sq.). Самое важное изъ этихъ упоминаній, соединяющее съ именемъ Аполлинарія и имя его младшаго современника—Серапіона, еп. антіохійскаго, мы уже подробно анализировали выше. Въ данномъ случаѣ еще разъ подчеркнемъ въ письмѣ Серапіона слова „ложное училище такъ называемаго *новаго пророчества*" (*Euseb.* V, 19, 2, 478 s.), которыми характеризуетъ здѣсь монтанизмъ еп. Серапіонъ, въ полномъ согласіи съ еп. Аполлинаріемъ, на авторитетъ котораго онъ и ссылается.

Подъ именемъ „анонима" въ данномъ случаѣ разумѣется тотъ неизвѣстный по имени писатель антимонтанистъ, на сочиненіяхъ котораго Евсевій, главнымъ образомъ, и основываетъ все свое повѣствованіе о начальной исторической фазѣ восточно-фригійскаго монтанизма (*Euseb.* V, 16, 458—468 s.). Изъ сочиненія этого „анонима" Евсевій приводитъ цѣлый рядъ убѣдительныхъ выдержекъ, прекрасно характеризующихъ собой монтанизмъ. И главной, доминирующей чертой этой характеристики опять-же является притязаніе еретиковъ на „пророчество", въ дѣйствительности оказывавшееся „лжепророчествомъ" (ψευδοπροφητείας *Euseb.* V, 16, 4, 460 s.). Такимъ изступленнымъ пророкомъ, подпавшимъ вліянію „противника" (τῷ ἀντικειμένῳ—очевидно разумѣется „діаволъ"), былъ самъ родоначальникъ ереси—Монтанъ и такими-же одержимыми „зломыслящимъ, льстивымъ и обманчивымъ духомъ" (τὸ βλαψίφρον καὶ ὁποχοριστικὸν καὶ λαοπλάνον πνεῦμα) были и всѣ послѣдователи Монтана, во главѣ съ двумя какими-то женщинами (Прискиллой и Максимиллой, какъ открывается изъ дальнѣйшаго), исполненными „подложнаго духа" (τοῦ νόθου πνεύματος) и говорившими поэтому „безсмысленно, неумѣстно и странно" (ἐκφρόνως καὶ ἀκαίρως καὶ ἀλλοτριοτρόπως). Наконецъ, тотъ-же „анонимъ", передавая одинъ, довольно легендарный разсказъ о другомъ расколовождѣ—Ѳеодотѣ, называетъ его οἷον ἐπιτρόπον λεγομένης προφητείας, „какъ-бы блюстителемъ, или попечителемъ (казначеемъ?) такъ называемаго *пророчества*", т. е. новоявленной монтанистической организаціи, въ которой, слѣдовательно, признакъ „пророчества" былъ наиболѣе

ванія (χαρίσματα), признать самого Св. Духа Утѣшителя. По мнѣнію монтанистовъ, именно теперь наступила та эпоха, о которой предсказывалъ пророкъ Іоиль (II, 28): «въ послѣдніе дни излію отъ Духа Моего на всяку плоть». Теперь настало время полнаго откровенія Параклета, Духа Утѣшителя: пришелъ Духъ истины, чтобы научить вѣрующихъ всему» (Іо. XIV, 26) [1]).

характернымъ, сообщающимъ свое имя и всей этой сектѣ. Очень сильную критику начальнаго монтанизма даетъ, дальше, антимонтанистъ самаго конца II-го или даже начала III в.—нѣкто Аполлоній (по Harnack'у—еп. Ефесскій), написавшій эту критику, какъ самъ онъ замѣчаетъ, „черезъ сорокъ лѣтъ по выступленіи Монтана, (т. е. по *Zahn*'у и *Harnack*'у ок. 196—197 г. „Die Chronologie I, 380—381 s.). Критика эта не дошла до насъ; но съ содержаніемъ ея довольно подробно знакомитъ Евсевій, отводящій ей цѣлую главу въ своей исторіи (*Euseb.* V, 18, 473—478). И здѣсь мы снова видимъ, что вся эта критика состоитъ или въ доказательствахъ лживости монтанистическихъ пророчествъ, или въ разоблаченіи недостойной жизни самихъ этихъ новоявленныхъ пророковъ (Монтана, Приски, Ѳемизона, Александра, Максимиллы), откуда опять слѣдуетъ, что „пророчество и пророки" были центромъ и душой монтанизма. Въ полномъ согласіи со спеціальными критиками монтанизма стоятъ и, болѣе или менѣе, случайныя замѣтки о монтанизмѣ, принадлежащія другимъ древнимъ писателямъ. Такъ Климентъ Ал. († ок. 216 г.) самой типической чертой лжеученія „фригійцевъ" (т. е. монтанистовъ) выставляетъ ихъ преклоненіе передъ „новымъ пророчествомъ" τῇ νέᾳ προφητείᾳ—Strom. IV, 13, 93, ed. Dind. II t. 369 s. Oxf. 1869). Оригенъ, въ толкованіи на посл. къ Коринѳ., оспариваетъ право монтанистическихъ пророчицъ на публичное выступленіе въ церкви (Catenae in Pauli ep. Corinth. ed. *Cramer*, Oxonii, 1841, 279 p.). Ипполитъ Рим. († 220—240 г.) лишь кратко отмѣчаетъ неосновательныя и ставшія въ его время уже безопасными притязанія монтанистовъ на то, чтобы сборники изреченій ихъ новыхъ пророковъ поставить выше апостольскихъ писаній (*Philosoph.* lib. VIII, 19). Изъ послѣдующихъ древнихъ церковныхъ писателей ересеологовъ всего больше удѣляетъ вниманія монтанизму Епифаній, который точно также характеризуетъ его, преимущественно, какъ „новое пророчество" (*Epiph.* Haeres. 48, 1—10 sq.), какъ ученіе, претендовавшее на возрожденіе новозавѣтной апостольской харизмы, во всѣхъ ея чрезвычайныхъ проявленіяхъ, въ особенности, въ дарѣ пророчества (ibidem). Мы не говоримъ уже о Тертулліанѣ, всѣ монтанистическія сочиненія котораго самымъ рѣшительнымъ образомъ свидѣтельствуютъ, что монтанизмъ онъ считалъ за „новое пророчество" (nova prophetia) и что въ признаніи Параклета, какъ первоисточника этого пророчества, онъ видѣлъ главную черту, отличающую монтанистовъ („пневматиковъ") отъ православныхъ („психиковъ"). *Tertulliani* Opera „Adv. Marc." IV, 22, „Adv. Prax." 30. De monog." XIV c. etc.

[1]) *В. В. Болотовъ*—II, 356—357 стр.

Сама по себѣ идея «откровеній Духа» (ἀποκάλιψεις τοῦ πνεύματος) и изліяній благодатной харисмы (τὰ χαρίσματα) была, какъ извѣстно, далеко не нова и не чужда сознанію древней Христовой церкви: она нашла себѣ отраженіе, не только во многихъ авторитетныхъ памятникахъ церковной литературы, но и въ самихъ новозавѣтно-апостольскихъ писаніяхъ [1]). Можно даже сказать еще больше — въ первенствующей церкви представители благодатной харисмы — апостолы, пророки и дидаскалы—образовывали изъ себя родъ особой, такъ называемой, «харисматической іерархіи», которая не только существовала рядомъ съ «должностной» трехчинной іерархіей (епископъ, пресвитеръ и діаконъ), но, первое время даже и превалировала надъ послѣдней [2]). Но, приблизительно, съ середины II вѣка (или даже съ его первой половины—эпохи Игнатія Богоносца и Διδαχή) замѣчается упадокъ харисматической іерархіи и усиленіе на ея счетъ мѣстной, должностной: «пророки»—наиболѣе видные представители харисматиковъ—берутся уже подъ сильное подозрѣніе авторомъ Διδαχή, преподающимъ вѣрующимъ цѣлый рядъ практическихъ совѣтовъ, какъ отличить истиннаго пророка отъ ложнаго [3]). И вотъ, какъ это нерѣдко случается, явленіе, исчезающее изъ жизни, подъ конецъ своего существованія даетъ послѣднюю, яркую вспышку. Такой, именно, вспышкой харисматической эпохи и былъ, повидимому, монтанизмъ. Такъ какъ онъ не имѣлъ здоровыхъ жизненныхъ соковъ первенствующей церкви, то могъ дать одну только показную внѣшность, лишь искаженную, патологическую реакцію.

---

[1]) I Петра IV, 10; Рим. XII, 6; I Кор. I, 7 и XII, 4. 31. Спеціальная харисма исцѣленій—I Кор. XII, 9. 28: харисма евангельской проповѣди—I Тим. IV, 14; II Тим. I, 6 и др. Изъ памятниковъ древней литературы см. Διδαχή—XI, 8 „говорить въ духѣ"; „Пастырь" Ермы, XI-ая зап. и IX подоб. См. объ этомъ книгу проф. *А. П. Лебедева* „Духовенство древней вселенской церкви" I гл., томъ X-й, Москва 1905 г. 3—26 стр., а также монографію свящ. *М. П. Ѳивейскаго* „Духовныя дарованія въ первоначальной христіанской церкви" Москва 1907 г.

[2]) Мѳ. XVI, 4; Дѣян. II, 16; XIII, 1; XV, 22. 32; I Кор. XIV, 28—30, 32; Еф. IV, 20; IV, 11. Διδαχή—X—XI гл. и XV гл. 1—20. Въ дополненіе къ вышеуказ. трудамъ проф. *Лебедева и о. Ѳивейскаго* см. еще диссертацію проф. *В. Н. Мышцина*, „Устройство христіан. церкви въ первые два вѣка" Серг. Пос. 1909 г. 93—120 стр.

[3]) Διδαχή, „Ученіе двѣнад. апостоловъ", гл. XI—XIII. На греч. и рус. язык. изд. „Прав. Обоз." 1886 г. 34—36 стр.

Болѣзненная ненормальность монтанистической псевдо-харисмы рѣзче всего сказалась въ патологическо-аффективномъ состояніи ихъ экстатическихъ пророковъ. «По историческимъ даннымъ, монтанистическое пророчество было исключительно экстатическимъ, при которомъ человѣкъ былъ только лирой. Пророки монтанистическіе не владѣли собой, не соблюдали послѣдовательности въ мысли; говорили «безсмысленно, неумѣстно и странно»; ихъ слова были словами экстатиковъ (по Епиф. буквально—ἐκστατικοῦ ῥήματα, 48, 4)» [1]). Недаромъ, всѣ серьезные изслѣдователи монтанизма, начиная съ Neander'a, Bonwtsch'a и Harnack'a и кончая нашимъ Болотовымъ и англичаниномъ Gwatkin'омъ, считаютъ монтанистическое пророчество типичнѣйшимъ продуктомъ болѣзненно-религіозной экзальтаціи [2]). Проф. Болотовъ, напр., категорически утверждаетъ, что «эксцентричныя фигуры фригійскихъ пророковъ... весьма сильно походили на помѣшанныхъ [3]), а проф. Н. М. Gwatkin говоритъ, что монтанисты какъ бы объединяли въ себѣ черты религіозно-изувѣрныхъ культовъ Аттиса и Кибеллы (языческой Фригіи) съ фанатизмомъ древняго хиліазма и съ психологіей раннѣйшихъ англійскихъ квакеровъ и методистовъ [4]). Наиболѣе популярные монтанистическіе пророки и особенно пророчицы имѣли видъ «безумныхъ или бѣсноватыхъ» людей, религіозныхъ маньяковъ, доходящихъ до полной утраты собственнаго разума и воли, и въ такомъ состояніи произносящихъ безсвязныя, нелѣпыя рѣчи, близко напоминающія собою изреченія языческихъ оракуловъ и ихъ одурманенныхъ пиѳій. Понятно, почему Евсевій такую дурную

---

[1]) *Вл. Троицкій* „Очерки изъ исторіи догмата о церкви", 293 стр. Серг. Пос. 1912 г.

[2]) *Neander*, Allgem. Geschichte d. chr. Rel. und Kirche"[3], I B. 278 sq. *Bonwetsch* „Die Geschichte d. Montanismus" Erlan. 1881. *Harnack*—Lehrb. der Dogmengeschichte[3], I, 390 sq. и „Mission und. Ausbreit. Christentums"[2]... I, 176; II, 180 sq.

[3]) Проф. *Болотовъ*. „Лекціи по исторіи древней церкви" II ч. 358 стр. СПБ. 1910.

[4]) *H. M. Gwatkin* „Early church History" II vol. ch. XV, Montanism, 74—75 p. Oxford 1909. А авторъ спеціальной статьи о монтанизмѣ (in Dictionary of Sects, Heresies, Ecclesiastical Parties, and Schools of religious thought, edit. T. H. Blunt, 1903) ставитъ его въ параллель со всѣми визіонерно-ригористическими движеніями, въ родѣ ученія аббата Іоахима, или проповѣди Петра Оливера и „фратричелловъ", а также Георга Фокса и ирвингіанъ. 537 р.

манеру (τοῦτον δὲ τὸν τρόπον) «новаго пророчества» называетъ «неслыханной ни въ ветхомъ, ни въ новомъ завѣтѣ» (οὔτε τινὰ τῶν κατὰ τὴν παλαιὰν οὔτε τῶν κατὰ τὴν καινὴν πνευματοφορηθέντα προφήτην δεῖξαι δυνήσονται—*Euseb.* V, 17, 3, 470 s.) и происходящей «вопреки обычаю, издревле преданному» (παρὰ τὸ κατὰ παράδοσιν καὶ κατὰ διαδοχὴν ἄνωθεν τῆς ἐκκλησίας ἔθος δῆθεν προφητεύοντα—*Ibid.* V, 16, 7. 462 s.), т. е. вопреки неизмѣнно содержимому ветхозавѣтной и новозавѣтной церковью ученію объ истинномъ вдохновеніи отъ Бога. Согласно послѣднему, божественное вдохновеніе, озаряющее того или другого пророка, не подавляетъ и не унижаетъ его личности до какого-то болѣзненно-пассивнаго состоянія, а наоборотъ, возводитъ ее на высшую ступень духовнаго просвѣтленія, при которой она въ самой полной и наиболѣе совершенной формѣ пользуется всѣми своими индивидуальными способностями. У монтанистовъ же, какъ разъ, наоборотъ: сознаніе и умъ ихъ экстатическихъ пророковъ, какъ говорили они сами, «помрачаемы были» (obumbrati sunt) обиліемъ божественнаго свѣта, изливавшагося на нихъ; такъ что въ подобныхъ случаяхъ говорили и дѣйствовали уже не люди, а вселявшійся въ нихъ Духъ, или, какъ обычно называли его монтанисты, самъ Параклетъ [1]).

Понятно, что не всѣ монтанисты были способны къ такому патологическому психозу, а лишь лица съ повышенной нервной возбудимостью и съ наклонностью къ истеріи. Вотъ, почему, вѣроятно, среди нихъ получили такое видное значеніе женщины (Максимилла и Прискилла), какъ натуры менѣе сильныя, болѣе предрасположенныя къ различнымъ формамъ патологической реакціи. Само собою разумѣется, что такіе чрезвычайные экстатики пользовались у монтанистовъ и особеннымъ почетомъ: въ нихъ видѣли избранные сосуды Божіи, совершенные органы Духа, какъ бы воплощеніе самого Параклета. «Я—отецъ пришелъ—говоритъ, напр. о себѣ самъ Монтанъ: «Я Господь Богъ вседержитель, открывшійся въ человѣкѣ» [2]). Этого не слѣдуетъ понимать буквально, въ томъ смыслѣ, что Монтанъ, именно, себя выдавалъ за Бога, или

---

[1]) „In spiritu enim homo constitutus praesertim cum gloriam Dei conspirit, vel cum per ipsum Deus loquitur, necesse est excidat censu, obumbratus scilicet virtutute divina, de quo inter nos et psychicos quaestio est". *Tertul.* „Adv. Marc." IV, 22.

[2]) *Epiph.* 84, 4. См. у *Bonwetsch*'а Op. cit. 57.

Параклета, въ чемъ упрекали его православные полемисты. А нужно видѣть здѣсь выраженіе основного монтанистическаго убѣжденія, что устами Монтана и подобныхъ ему пророковъ говорилъ Самъ Богъ, или Его Святый Духъ. И такое убѣжденіе было у монтанистовъ столь сильно, что даже женщины-пророчицы въ моменты экстатическихъ прорицаній обычно говорили не въ женскомъ, а въ мужскомъ родѣ, какъ бы отъ лица вселявшагося въ нихъ Духа. Такъ, напр., Максимилла пророчествовала: «Господь послалъ меня благовѣстителемъ (μηνυτήν) и истолкователемъ (ἑρμηνευτήν) этого новаго обѣтованія, послалъ меня вынужденнаго (ἠναγκασμένον), хотящаго (θέλοντα) и не хотящаго познать вѣдѣніе Божіе» [1]).

Отправляясь отъ такого преувеличенно - возвышеннаго взгляда на достоинство своихъ пророковъ, какъ чистыхъ органовъ Божества, монтанисты совершенно естественно приходили и къ соотвѣтствующему взгляду на авторитетъ новыхъ пророчествъ. Это были слова самого Бога, чистыя и безпримѣсныя откровенія Его Духа. Поэтому, не отрицая низшей, относительной истины за ветхозавѣтнымъ и новозавѣтнымъ откровеніемъ, монтанисты безусловно выше ставили и цѣнили свое новое, болѣе совершенное откровеніе, въ которомъ будто бы давалось дальнѣйшее раскрытіе божественной истины. Отсюда и продукты этого откровенія — изреченія монтанистическихъ пророковъ и пророчицъ — получали у нихъ огромный авторитетъ: они бережно хранились, заучивались наизусть и записывались въ особые сборники, предназначенные, по взгляду монтанистовъ, пополнить и завершить канонъ священныхъ книгъ [2]).

На почвѣ такихъ взглядовъ сложилась у монтанистовъ и своеобразная теорія различныхъ возрастовъ Христовой церкви, подробно формулированная нѣсколько позднѣе Тертулліаномъ. Исходя изъ положенія «nihil sine aetate» и изъ словъ Екклезіаста «время всякой овощи» (Еккл. III, 17), онъ различаетъ слѣдующіе «возрасты» въ исторіи божественнаго откровенія:

---

[1]) *Epiph.* Haer. 48, 13. Ва. у Bonwetsch „Op. cit.“ Beil. I, 190 s.

[2]) О сборникахъ монтанистическихъ пророчествъ, на подобіе Евангелія и апостольскихъ посланій, неоднократно, какъ мы видимъ, упоминаетъ Евсевій (V, 3; V, 16; VI, 20 и др.), а также и многіе другіе церковные авторы, приводящіе даже и примѣры монтан. изреченій. *Epiph.* 48 и 49. *Hippol.* Philos. VIII, 19. *Did.* De trinitate III, 11, 3. Nicepl. IV, 22. См. *Bonwetsch* in Real-Encycl. XIII, 423.

сначала, во времена патріархальныя, оно находилось въ состояніи младенчества; при Моисеѣ и пророкахъ—въ возрастѣ дѣтскомъ; чрезъ Евангеліе перешло въ возрастъ юношескій и наконецъ чрезъ Параклета достигло возмужалости» [1]). Вслѣдствіе всего этого, у монтанистовъ развилось также самомнѣніе, высокомѣріе и горделиво-презрительное отношеніе къ остальнымъ вѣрующимъ, какъ людямъ, стоящимъ еще на низшихъ ступеняхъ духовнаго развитія [2]). Самихъ себя они именовали «духовными» совершенными христіанами («пневматиками»), а всѣхъ «остальныхъ» «душевными» («психиками»), несовершенными (*Кл. Алек.* «Строматы» IV, 13. 93).

«Что касается *содержанія* монтанистическаго ученія, то, по совершенно справедливому замѣчанію проф. Болотова, въ вопросахъ догматическихъ, какъ категорично признаютъ всѣ полемисты противъ монтанизма и сами монтанисты, не существовало никакого различія между каѳолической церковью и монтанистами. Regula fidei была одна и та же... Весь смыслъ монтанистическаго движенія лежитъ не въ этой области: все содержаніе пророчествъ монтанизма касалось нравственной стороны христіанства. Оно затронуло глубоко практическую сторону христіанской церковной жизни [3]). Въ этой сферѣ первоначально монтанизмъ заявилъ себя, главнымъ образомъ, тѣмъ, что воскресилъ самыя живыя и напряженныя эсхатологическія ожиданія, т. е. ожиданія близкаго конца міра и грядущаго страшнаго суда, съ послѣдующимъ, чисто хиліастическимъ раемъ на землѣ и новымъ Іерусалимомъ въ его центрѣ. Припомнимъ, что по свидѣтельству Евсевіева анонима, такъ именно училъ самъ Монтанъ, который два незначительныхъ

---

[1]) Прот. *Д. Касицынъ.* Расколы первыхъ вѣковъ христіанства. „Монтанизмъ", Приб. къ тв. св. о. 43 ч. 1889 г. 434 стр. Ср. *Bonwetsch* Op. cit. 121—123 s. Основанія этого см. у *Tertull.* „De virgin. veland." 1 c.

[2]) Припомнимъ характерную выдержку Евсевія изъ анонима, что „этотъ гордый духъ училъ злословить всю каѳолическую поднебесную церковь" (Ев. V, 16 стр. 290).

[3]) Проф. *В. Болотовъ* „Цит. сочиненіе"—359 стр. То-же самое говоритъ и *Bonwetsch*: Das Gebiet seiner (Montanis) reformatorischen Tätigkeit ist vielmehr nicht das Dogma, sondern die Sitte, er ist novae disciplinae institutor". *Op. cit.* 81 s. Но *Вл. Троицкій* думаетъ иначе и цѣлымъ рядомъ свидѣтельствъ устанавливаетъ фактъ несоотвѣтствія у монтанистовъ, въ особенности у Тертулліана, слова съ дѣломъ. Однако и самъ г. Троицкій вынужденъ признать, что это развилось сравнительно позднѣе. „Цит. сочин." 295—296 стр.

фригійскихъ городка—Пепузу и Тиміонъ—назвалъ Іерусалимомъ и приглашалъ идти туда всѣхъ своихъ послѣдователей, чтобы они могли принять участіе въ имѣющемся скоро открыться мессіанскомъ царствѣ [1]). Близкое ожиданіе конца нынѣшняго міра настойчиво проповѣдывала и главнѣйшая сподвижница Монтана — Максимилла, которая, по словамъ Епифанія и Евсевія, утверждала, что она—послѣдняя пророчица, такъ какъ послѣ нея наступитъ конецъ міра [2]). И всѣ эти эсхатологическія ожиданія монтанистовъ были настолько напряжены, что они чуть не грезили ими на яву. По крайней мѣрѣ, тотъ же Епифаній свидѣтельствуетъ, что и въ обычныхъ церковныхъ собраніяхъ монтанистовъ нерѣдко (πολλάκις) выступали юныя дѣвы, одѣтыя въ бѣлыя одежды и несущія возженные свѣтильники, очевидно, въ подражаніе мудрымъ евангельскимъ дѣвамъ, изшедшимъ въ срѣтеніе своего Жениха (Мѳ. XXV, 1 и Апок. III, 18, 7, 9) [3]). Не даромъ, наконецъ, и Тертулліанъ—главный идеологъ монтанизма—«вкратцѣ обозначаетъ все ученіе Монтана, какъ предсказаніе о *будущемъ судѣ*» [4]).

Напряженность эсхатологіи, при высотѣ самомнѣнія, породили и третью характеристическую черту монтанизма—*ригористическую суровость* въ вопросахъ нравственной дисциплины. Ссылаясь на высшія, абсолютныя требованія своего новаго закона и на близость конца міра, монтанисты предъявляли христіанамъ крайне строгія, можно сказать, аскетиче-

---

[1]) *Евсевій*—цит. сочин. V, 18, 296 стр. Любопытны аналогіи, приведенныя *Дюшеномъ*. „Монтанистическое переселеніе не представляетъ исключительнаго явленія. Ипполитъ (in Daniel IV, 8) разсказываетъ объ аналогичномъ фактѣ, случившемся въ его время. Одинъ сирійскій епископъ увелъ въ пустыню на срѣтеніе Христа громадную толпу христіанъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Кончилось тѣмъ, что несчастныхъ арестовали, какъ разбойниковъ. Другой епископъ изъ Понта предсказалъ кончину міра, имѣющую наступить въ теченіе ближайшаго года; его паства распродала свой скотъ и побросала поля, чтобы приготовиться къ великому дню. Въ III в. въ Каппадокіи возникаетъ вопросъ о какой-то пророчицѣ, двинувшей цѣлыя толпы народа на дорогу къ Іерусалиму (Сург. ер. LXXV, 10)". *Дюшенъ* „Цит. соч." 181 стр. прим.

[2]) „Μετ' ἐμὲ προφῆτις οὐκετι ἔσται, ἀλλὰ συντέλεια". *Epiphan.* haeres. 48, 2 ed. *Dindorf* II p. 427. Ср. *Euseb.* V, 16, 18.

[3]) „Πολλάκις δὲ ἐν τῇ αὐτῶν ἐκκλησίᾳ εἰσέρχονται λαμπαδηφοροῦσαι ἑπτά τινες παρθένοι, λευλείμονες, δῆθεν ἐρχόμεναι, ἵνα προφητεύσωσι τῷ λαῷ" *Ibid.* Haer. 49, 2.

[4]) См. у *Болотова* „Цит. сочиненіе" 359 стр.

скія требованія. Это выразилось въ предпочтеніи дѣвства передъ бракомъ, въ отмѣнѣ повторныхъ браковъ, въ суровости постовъ, въ строгости покаянной дисциплины и въ усиленномъ исканіи мученическихъ вѣнцовъ [1]). Всѣ эти строго-моральныя черты, въ особенности послѣдняя, сильно возвышали обаяніе монтанизма въ глазахъ ревнителей христіанства. Недаромъ, по свидѣтельству анонима, сами монтанисты хвалились количествомъ своихъ мучениковъ и въ этомъ полагали чуть ли не главное доказательство своей высшей правоты [2]). Несомнѣнно, этими, именно, своими чертами—высокой моральной настроенности и геройской твердости духа при мученіяхъ,—монтанизмъ увлекъ и суроваго аскета—Тертулліана, ставшаго горячимъ его адептомъ, а также и доблестныхъ галльскихъ исповѣдниковъ, пытавшихся реабилитировать своихъ восточныхъ собратьевъ передъ папой Елевѳеріемъ особымъ посланіемъ и достигшихъ извѣстнаго успѣха въ этомъ.

Сдѣлаемъ теперь попытку, основываясь на только что приведенной характеристикѣ ранняго монтанизма, кратко отвѣтить на вопросы: чѣмъ же, въ концѣ концовъ, былъ этотъ монтанизмъ? и въ какомъ отношеніи онъ представлялъ опасность для современной ему Христовой Церкви? На первый изъ этихъ вопросовъ всѣ ученые историки и богословы, при незначительной разницѣ въ оттѣнкахъ мысли, даютъ, въ общемъ, замѣчательно согласный отвѣтъ, именно тотъ, что монтанизмъ былъ аскетической реакціей гностическо-эллинистическому омірщенію христіанства и попыткой оживить угасающую харисму первенствующей Церкви [3]). Въ христіанской

---

[1]) Подробный обзоръ каждаго изъ этихъ пунктовъ см. въ монографіи *Bonwetsch*'а 81—118 s. Кратко о томъ-же у *Болотова*—361—365.

[2]) *Есевій*—V, 16, 293 стр. „Die ganze Aufgabe der neuen Prophetie aber galt der Vorbereitung für das nahe Ende"—говоритъ также и Bonwetsch in R-E, art. „Montanismus" XIII B. 421 s. 43.

[3]) „Принципіально, монтанизмъ—обратная сторона (the exact revers) гностицизма... Это — аскетическая реакція матеріалистическому вѣку, хотя и навѣянная аристократическимъ духомъ древняго міра". *Gwatkin* „Early Church"... II, 77 and 78 p. Oxford 1909. „Монтанизмъ—реакція съ энергичнымъ требованіемъ утвердить первоначальный видъ церкви". *Bonwetsch* „Montanismus" RE³, 13, 420, 10. „Вообще должно быть признано, что монтанизмъ обозначаетъ серьезный (bedeutsame, значительный) кризисъ въ отношеніи церкви къ міру, что онъ есть реакція за возстановленіе истиннаго первоначальнаго христіанства противъ омірщенія церкви". *Bonwetsch* „Die Geschichte Montanismus" 15 s. „Монтанизмъ

церкви той эпохи (т. е. половины второго вѣка, когда впервые обнаружился монтанизмъ), замѣтно выступали два основныхъ теченія: одно—широкое, либеральное, стремившееся создать безобидный компромиссъ между ученіемъ новой, христіанской религіи и укладомъ жизни старой, языческой куль-

---

возсталъ съ силой элементарнаго религіознаго движенія, въ качествѣ крайней реакціи древняго христіанства. Монтанизмъ полярно противоположенъ (Gegenpol) гностицизму, поскольку послѣдній представляетъ острую эллинизацію Евангелія". *Harnack* „Miss. und Ausbreit."[2], I, 367. „Проникновеніе христіанства въ міръ вызвало вскорѣ послѣ середины 2-го вѣка, сначала въ Малой Азіи, а потомъ также и въ другихъ областяхъ христіанства, особую реакцію, которая пыталась сохранить древнія настроенія и состоянія (Stimmungen und Zustände), или точнѣе, снова ихъ возстановить, и оградить христіанство отъ обмірщенія ((vor Verweltlichung)—*Harnack* „Dogmengeschichte"[4], I, 425—426 s. „Монтанизмъ есть реакція дисциплинарная, ригористическая, притягательная (attirant), концентрированная, возвеличивающая старыя формы и старые обычаи, отъ которыхъ церковь, скорѣй, всегда имѣла тенденцію освободиться". *Reville* „Tertul. et montanisme". Revue des deux mondes, 1864, Novem. 166 p. „На границѣ двухъ періодовъ развитія (чрезвычайной, первенствующей эпохи и послѣдующаго, историческаго періода) возникла реакція, которая вопреки естественной эволюціи (Umschwunge) христіанства, желала навсегда закрѣпить его первенствующую форму". *Aug. Neander* „Allg. Geschichte...[3] I, 281 s. „Монтанисты, замкнувшись послѣ осужденія ихъ церковію, въ свой тѣсный кружокъ, представляли изъ себя партію строгихъ ригористовъ и пуританъ. Они претендовали на роль истинныхъ представителей древне-христіанской традиціи". *Aubé* „L' Eglisse et l' Etat". Paris, 1885, 193 p. „Мы помѣщаемъ монтанизмъ въ категорію іудействующихъ ересей, хотя онъ по происхожденію своему и не имѣетъ отношенія къ синагогѣ, какъ эвіонизмъ. Тѣмъ не менѣе и онъ обращенъ къ мозаизму по своей общей тенденціи, по своимъ формамъ и по частнымъ обрядамъ... Номизмъ, мечтательность, апокалиптика, аскетизмъ—все это основы іудействующаго христіанства, которое подъ разными именами часто вновь появлялось въ церкви, но никогда съ большей силой, чѣмъ въ монтанизмѣ". *E. de-Pressancé*, Histoire des trois premieres siécles d. Eglise chretienne", I, 131—132 p. Paris 1861. Въ большинствѣ приведенныхъ нами характеристикъ монтанизма (особенно у протестанскихъ авторовъ) подчеркивается та мысль, что монтанизмъ былъ реакціей противъ обмірщенія церкви и ея моральнаго упадка, предпринятой во имя идеала изначальной, первенствующей церкви. Но если даже и принять такой взглядъ, то его необходимо сильно ограничить, чрезъ добавленіе той мысли, что тѣ пути, при помощи которыхъ монтанизмъ хотѣлъ возродить угасающую харизму апостольскаго вѣка, были лишь покушеніемъ съ негодными средствами. Болѣе подробное развитіе и обоснованіе такой, вполнѣ правдивой оцѣнки монтанизма смотри въ диссертаціи *Владиміра Троицкаго* (архим. Иларіона) 327—360 стр,

туры. Типичнымъ выраженіемъ этого теченія былъ эллинизованный гностицизмъ. Другое теченіе—болѣе узкое и консервативное — тянуло въ сторону ригористическихъ требованій суроваго іудаистическаго номинализма. Рѣзко выступивши еще въ вѣкъ апостольскій (іерусалимскій Апостольскій соборъ, борьба ап. Павла съ іудействующими, по кн. Дѣян. и посл. къ Римл., Галат. и др.), теченіе это красной нитью проходитъ чрезъ литературу мужей апостольскихъ (Кл. Рим., Варнава, Игн. Бог.), сильно чувствуется въ Διδαχή и еще сильнѣе въ «Пастырѣ» Ермы. Оно же очевидно конденсируется теперь и въ монтанизмѣ, представляющемъ по взгляду большинства авторитетовъ (Harnack, Bonwetsch, Gwatkin etc.) какъ бы противоположность либеральному, язычествующему гностицизму. Въ полномъ согласіи съ такимъ взглядомъ стоятъ и слѣдующія выразительныя строки нашего виднаго церковнаго историка, проф. Болотова: «По своему началу, монтанизмъ представляетъ явленіе во многихъ отношеніяхъ противоположное гносису. Насколько въ гносисѣ преобладаетъ характеръ теоретическій, настолько монтанизмъ отличается характеромъ практическимъ. Гносисъ — это доктрина аристократовъ мысли. Центры, изъ которыхъ онъ распространяется,— Александрія, Антіохія, Римъ. Монтанизмъ, такъ сказать, демократиченъ и зарождается въ захолустьѣ» [1]). Но эта демократичность монтанизма не только не уменьшала, а скорѣй даже увеличивала опасность отъ него: если гностицизмъ привлекалъ верхніе, болѣе образованные и культурные слои населенія, обычно, сравнительно, малочисленные; то монтанизмъ импонировалъ широкимъ простонароднымъ массамъ, всегда такъ падкимъ до разныхъ видѣній, прорицаній и экстатическихъ возбужденій, къ чему влечетъ ихъ благочестиво настроенное чувство, лишенное просвѣщеннаго контроля разума. И далеко не случайно то явленіе, что монтанизмъ, почва для котораго была достаточно готова повсюду, зародился, именно, здѣсь, въ захолустной деревушкѣ, на границѣ Мизіи и Фригіи, т. е. въ странѣ наименѣе культурной и даже дикой, да къ тому же еще издавна наиболѣе склонной къ проявленіямъ религіозной экзальтаціи и фанатизма [2]).

---

[1]) Проф. *В. В. Болотовъ* „Лекціи...“ II, 351 стр.

[2]) Еще *Цицеронъ* называетъ фригійцевъ народомъ „незначительнымъ и пустымъ“—Pro Flacco, 27. Это подтверждаетъ и христіан. писатель *Іустинъ Фил.* въ своемъ „Діалогѣ“ 119. „Фригія была одной изъ странъ

древности, наиболѣе склонныхъ къ религіознымъ мечтаніямъ,.. Христіанство приняло у нихъ съ самаго начала характеръ, по преимуществу, мистическій и аскетическій. Уже Павелъ опровергаетъ въ посланіи къ Колоссянамъ тѣ заблужденія ихъ, въ которыхъ можно было усмотрѣть признаки развившагося впослѣдствіи гностицизма и крайности плохо понятаго аскетизма. Въ другихъ странахъ христіанство почти повсюду стало религіей большихъ городовъ; здѣсь-же, какъ и въ заіорданской Сиріи, оно было религіей маленькихъ городковъ и деревень. Нѣкто Монтанъ, изъ городка Ардабавъ, въ Мидіи, на границѣ Фригіи, съумѣлъ придать этимъ религіознымъ безумствамъ заразительный характеръ, какого они до той поры не имѣли". *Э. Ренанъ* „Маркъ Аврелій и конецъ античнаго міра". Перев. съ фран. Л. Я. Гуревичъ. СПБ. 1906. 123—124 стр. „Сама Фригія съ точки зрѣнія интеллектуальной не пользовалась доброй репутаціей... Но нравственный характеръ этихъ простецовъ былъ довольно высокій. Эти люди вообще были замѣчательно честны, божились крайне рѣдко. Въ нѣсколько угрюмомъ естественномъ складѣ фригійцевъ заложено было глубокое религіозное чувство, сказавшееся въ особомъ изступленномъ культѣ матери боговъ—Кибеллы, который пользовался здѣсь большимъ распространеніемъ". Проф. *Болотовъ*, „Цит. соч." 351—2 стр. „Новую профетію", конечно неправильно выводить только изъ фригійскаго народнаго характера, но необходимо признать, что она испытала вліяніе отъ него, сказавшееся въ этой „своеобразной смѣси дикаго энтузіазма и строгости" (*Harnack*, „Die Mission" 2, II, 180 s.). „Нѣкоторое напоминаніе о монтанизмѣ и формахъ его аскезы могутъ дать и современные фригійскіе дервиши". *Bonwetsch* „Montanismus" in R-E. XIII, 420 s. (Ср. Tertul. „de jejunio. 2). *)

А. Покровскій.

*) Продолженіе слѣдуетъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии

www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки